

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

**ПРИРОДА ВИДИМОЙ ЦЕРКВИ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ
О ВЕРОТЕРПИМОСТИ В АНГЛИИ 1646 г.**

Проповедники времен английской революции, в изобилии публиковавшие свои религиозные произведения, рассчитывали главным образом на восприятие паствы, а конфликтная атмосфера периода располагала к предпочтению полемической формы трактатов, за которой терялась четкость их теологических конструкций. Будучи лишь слегка намеченными, эти концепции иллюстрируют тесную взаимосвязь религиозных и политических аспектов. Одним

Сафронкова Екатерина Николаевна — соискатель исторического факультета СПбГУ

из наиболее активно публиковавшихся проповедников был индипендент Джон Гудвин. Для его трактатов 1646 г. характерна жесткая полемика с пресвитерианином Томасом Эдвардсом, посвященная толерантности (*toleration*) и веротерпимости. Разнообразие способов обоснования авторами своих позиций подчеркивает многогранность этой полемики, неразрывно связанной с другой, имеющей самостоятельное значение — о природе видимой церкви. Можно сказать, что общим знаменателем обоих споров было укрепление сепаратистских тенденций, требующих теоретических обоснований и практической адаптации, подразумевающей веротерпимость.

Сепаратизм всех толков, начиная с анабаптистов и «старых браунистов», обсуждался Эдвардсом в *Antapologia*, на которую Гудвин пишет ответ в июле 1646 г. Эдвардс приводит около 180 наименований ересей в своем трактате *Gangraena*, посвященном поразившему «тело церкви» заболеваню, но тело в его трагической метафоре все еще остается единым. Гудвин отвечает ему изданием *Cretensis*. Однако я предлагаю обратить внимание на трактат *Hagiomastix or the scourge of the saints*, созданный Гудвином в январе 1646 г., поскольку он не так сильно, как последующие публикации, зависит от содержания претензий оппонента. На этом примере можно составить представление о том специфическом понимании единства церкви, которое обусловлено конфессиональными ориентирами Джона Гудвина.

Само название трактата «Хагиомастикс или бич святых» содержит в себе корень проблемы. Сообщество «Святых» (*Saints*), избранных Богом людей, которые общаются с ним без посредников, значительно расширяется благодаря убежденности конгрегационалистов в том, что святые есть в каждой их общине. Святые сосуществуют с обычными людьми в непосредственной близости, распространяя на них свою благодать, а подтверждения их избранности община имеет на бытовом уровне. Мир постепенно впускает в себя Бога, преодолевая барьер, воздвигнутый христианством между земной и небесной реальностями. Учитывая конгрегационализм Гудвина, мы сможем разобраться в его дальнейших построениях. Например, в концепции о «растворении субъекта» Христа, которая вносит характерное для индипендента понимание традиционной метафоры «видимого тела церкви» как тела Христова.

Распространение Бога в повседневном существовании не вызывает у Гудвина сомнений, поскольку подтверждено его «рели-

гиозным чувством», для которого не требуются авторитеты. Понимающий веротерпимость «плюрализм» Гудвина основан на утверждении: *God may be All in all*, т. е. Бог может наполнять все, быть во всем, Он стремится к тотальному распространению. Такое устремление формирует идеал общественного (государственного и церковного — в целом земного) устройства, помехой в воплощении которого являются «посредники». При этом ожидаемая «тотальность христианства» подразумевает терпимость к смятениям обрацаемых.

По отношению к церкви тезис *All in all* может развиваться в наиболее предпочтительном для индпендента направлении: когда Бог пребудет во всем, иерархия станет не нужна, назначаемые должности изжили себя — Бог просто проявится через избранного и достойного. Если умело построить аргументы, то очень близко окажется вывод о том, что и «тело» видимой церкви — *Corpus Christi*, тоже станет не нужно. Гудвин добавляет необходимый компонент в рассуждениях — Христос как субъект ищет растворения и слияния с Богом и потери самоидентификации, отсюда и церковь должна стремиться к самороспуску. Характерно, что пресвитерианский вариант Вестминстерского исповедания (1646) в пункте, посвященном статусу Христа-медиатора, не ждет от него этого «растворения субъекта», текст содержит компромиссное суждение о его природе, полном искуплении и наследовании мира. «Растворение субъекта», судя по всему, находка именно индпендентская. Вспомним Кейпера, на теорию которого обратил внимание еще Макс Вебер: «Видимая церковь возникает исключительно как волевой акт верующих на основании данного им Христом права. Поэтому источником *potestas ecclesiastica* (власти церкви) является не Христос и не *ministry* (священники), а одна только община верующих».

Сын Бога — это субъект в нем, его субъектность выражена в покорности воле Бога, которая заключается в снятии «знаков посредника» и стремлении к *All in all*. *Performance of the great office of mediator* является даром Христа «Святым» в преодолении дистанции, он желает поднять их к своему уровню Благодати и Славы. Посредством этого дара «святые» в конгрегационалистском понимании Гудвина оказываются причастны к божественному. Единство «святых» обнаруживается не благодаря земной иерархии, а исключительно в их равной избранности Богом.

Нам представляется, что в подобном виде в предисловии на-

мечена концепция идеального общественного устройства, вырастающего из принципа *all in all*. Гудвину это кажется вполне логичным. Хагиомастикс не случайно начинается именно темой порядка и устройства. Самая удачная превентивная идеологическая реабилитация индипендентского трактата — это начать с того, что сепаратизм не хаос, а порядок, просто высший и более совершенный. Высший порядок отождествляется с *conditions of being* — это одновременно и устройство общества и форма бытия. Далее в тексте постоянно соотносится порядок на небесах и на земле.

All in all как основа для модели будущего, намечает путь к царству Бога на земле, к *perfect condition* — совершенному устройству. Считать это Совершенство реально достижимым позволяет закон природы (*law of nature*), ибо «мы знаем — это метод природы и естественное действие — начинать от менее совершенного и стремиться к более совершенному». Природа здесь предшествует спиритуальному со времен сотворения Адама. На пути к совершенству в определенный момент преодолевается граница естественного, натурального и открывается сфера духовного. Известный сюжет свадьбы в Канне Галилейской с превращением воды в вино трактуется как содержащий еврейскую идиому совершенствования вещи в ее качестве посредством посвящения ее Богу. Государство, посвященное Богу, предполагается как цель, пути достижения которой обусловлены вышеописанным пониманием Гудвином высшего порядка.

При этом власть священников (*ministry*) и магистрата мыслится неким этапом на пути к совершенному устройству. Иерархический вариант общения с Богом, когда истина спускается к Святым через священников и Гражданский Магистрат, по мнению Гудвина имеет более совершенную альтернативу, используемую им как обоснование свободы совести. Он пишет о двадцати различных путях истины, нисходящей непосредственно к получателю. Священники были даны Богом из любви к людям, и в свое время Он заберет их из любви к святым. *Community of Saints*, хотя и не полностью отдельное сообщество, будет лучшим устройством. Для Гудвина очевидно, что индипендентство ближе к Богу, чем пресвитерианство. Причем как в доктринальном смысле, так и в практическом. Поэтому, констатируя наличие различных путей истины, Гудвин, тем не менее, выносит собственное суждение об истинности учения пресвитериан.

Идеалистический характер рассмотренных построений обретает очертания реальной проблемы, когда для сепаратистских тенден-

ций начинают искать исторические аналоги. Конгрегациональный принцип устройства общины находит обоснования своей отдельности в раннехристианских образцах апостольских церквей. В пример приводятся библейские описания устройства общин галатов, коринфян. Отрицая божественное происхождение Писания, но принимая описанные в нем образцы апостольских церквей, Гудвин, можно сказать, оставляет за ним статус исторического источника.

Сложность проблемы заключается в том, что она касается не только церкви, поскольку община верующих зачастую является еще и административной единицей. Насколько широко распространяется самоуправление в общине и ограничивается ли их самостоятельность только выбором веры — дилемма, возможные перспективы решения которой могут ответить на вопрос, заданный Гудвином: «Почему признана вредной для мира в церкви и государстве идея конгрегационального правительства (Congregational government), появившаяся в публикациях именно анабаптистов?». Ответ, вероятно, стоит искать в их стремлении к неподчинению общины властям, а только своим «Святым». Анабаптистский вариант правления «Святых» (Rule of saints), представляющегося властям чрезмерно автономным, противопоставляется правлению гражданского сообщества (rule of popular community). В данном случае важна роль представительских органов, их полномочий и даже необходимости их существования. Во избежание обвинений в антиправительственных выступлениях логично отделить религиозную самостоятельность общины от политической, что и осуществляется Гудвином в первую очередь. На этой основе базируются его дальнейшие доказательства необходимости толерантности.

Сепаратистская проблема является частью одной из самых болезненных граней исторического процесса — взаимоотношений церкви и государства. Хотелось бы добавить, что помимо допущения веротерпимости описанная концепция имеет еще одно следствие. Преподнося сепаратизм как высший, божественный порядок, Гудвин полностью отрицает божественное право пресвитерии (jus divinum of presbytery). В процессе обоснования незаконности пресвитерианских постановлений против веротерпимости ставится под сомнение их право на гражданскую власть в целом. Противопоставление по принципу божественности происхождения прав делает «толерантность» проблемой, относящейся не к правам человека, а к правам на власть.